ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ

«Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ» КЕАҚ

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«GYLYM JÁNE BILIM - 2024»
XIX Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XIX Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«GYLYM JÁNE BILIM - 2024»**

**PROCEEDINGS
of the XIX International Scientific Conference
for students and young scholars
«GYLYM JÁNE BILIM - 2024»**

**2024
Астана**

УДК 001

ББК 72

G99

«ǴYLYM JÁNE BILIM – 2024» студенттер мен жас ғалымдардың XIX Халықаралық ғылыми конференциясы = XIX Международная научная конференция студентов и молодых ученых «ǴYLYM JÁNE BILIM – 2024» = The XIX International Scientific Conference for students and young scholars «ǴYLYM JÁNE BILIM – 2024». – Астана: – 7478 б. - қазақша, орысша, ағылшынша.

ISBN 978-601-7697-07-5

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 001

ББК 72

G99

ISBN 978-601-7697-07-5

**©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2024**

12. Саади, М. Гулистан. Памятники литературы народов Востока / Саади Мушрифаддин; критический текст, перевод, предисл. и примеч. Р.М. Алиева. – М.: Издательство Вост. лит-ры, 1951. – 233 с.
13. Грибоедов, А.С. Сочинения. / А.С. Грибоедов. Ред. Вл. Орлова. – Л.: Худ. лит-ра, 1940. – 671 с.
14. Саади Ширази. Бустан (поэма) / Муслих-ад-дин Абу Мухаммад Абдаллах ибн-Мушриф Ибн-Муслих ибн Муслих ибн-Мушриф Саади Ширази. Пер. В. Державина; сост., предисл. и коммент. Р. Алиева. Ред. Т. Гольц, С. Ховари. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 451 с.
15. Ричард Пайпс. Сергей Семёнович Уваров: жизнеописание. – М.: Содружество «Посев», 2013. – 84 с.

УДК 821.161.1

ЧУВСТВО НОСТАЛЬГИИ В НОВЕЛЛЕ Д. РУБИНОЙ «БАБКА»

Қадырғали Ұлдана Русланқызы

uldana.kad@mail.ru

магистрант 2 года обучения, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Научный руководитель – М. Жапанова

Чувство тоски по родине, по родному дому чаще всего называют словом «ностальгия», само понятие происходит от двух греческих корней, *nostos* и *algia*, что буквально означает «тоску по дому». Российский филолог и теоретик искусства Светлана Бойм отмечает, что «часто это тоска по метафорическому дому, которого больше нет или, может быть, никогда и не было» [2].

Ностальгия представляет собой утопию, направленную не в будущее, а в прошлое. Она не всегда ограничивается ретроспективным взглядом, также может обращаться просто к иным пространствам и временам. Ностальгия является попыткой вернуть время назад, преодолеть необратимость его хода и превратить историческое время в мифологическое пространство. Но сама потребность в ностальгии существовала всегда. Ностальгия стремится найти в прошлом ту стабильность, которой не хватает в настоящем, тоскует по утраченным образам и медленному течению времени.

Выражение данного чувства исследуется на материале новеллы Д. Рубиной «Бабка» опубликованной в сборнике «Окна» (2012).

«Бабка» – это ностальгическое произведение, наполненное событиями-воспоминаниями, которые произошли с героиней в ее далеком детстве. Основное действие происходит в Ташкенте, куда семья героини была эвакуирована во время войны. Это отличается от их родной Украины, которую автор вводит в начале рассказа. Через ретроспекции, действия перемещаются между «условно-текущим» Ташкентом и «прошлой» Украиной, городом Золотоноша.

Главным персонажем рассказа является Рахиль Когановская, представленная через призму восприятия ее внучки «Мамэлэ», которая также является автором-повествователем. В данном контексте название новеллы имеет очевидное значение: бабка – это ключевая фигура в жизни писательницы, оказавшая значительное влияние на воспитание своей внучки и, по признанию автора, игравшая роль первого «ненавязчивого консультанта по стилю» [1, с. 43].

При упоминании своих родных, особенно говоря о своей бабушке героиня часто испытывает чувство иронии. Она отмечает, что не может избавиться от постоянной иронии по отношению к своей семье, особенно при описании образа Рахиль: «Вновь и вновь ворошу память: что бы еще дополнило благостный образ еврейской бабушки? Боюсь, что ничего. Вот уж благости в моем роду днем с огнем не сыскать; в бабке – тем более <...> Не удастся мне отринуть вечную иронию к собственной родне и сосредоточиться на образе!» [1, с. 20]. Бабушка Рахиль, или «Рухэлэ», как ее нежно называли – предстает перед нами величественной

фигурой: высокой, гибкой и статной; ее зеленые глаза, полные смеха и жизни, контрастировали с ее алебастровой кожей, создавая образ женщины, которая была одновременно привлекательной и внушающей уважение.

В произведении ярко прослеживается образ бабушки, в ее описании используются прилагательные «юная», «артистичная» и «заядлая», также при упоминании в рассказе Рахиль, автор использует обращение «моя бабка», что указывает на то, что бабушка играла важную роль в жизни автора и оставила значительный след в ее воспоминаниях и восприятии мира.

Чувство ностальгии в рассказе передается через воспоминания о каникулах и играх света в окне дома на Кашгарке наполненные нежностью и теплыми чувствами: «Моя память так уютно обжила эти недели, зимние и летние, прожитые на Кашгарке, в домике с единственным, но большим окном, лучезарным, как экран в стремительно меркнущем зале кинотеатра» [1, с. 24]; а также через воспоминания об уникальном таланте бабушки: «Но то, как моя бабушка Рахиль «представляла» — отлично помню с младенчества». Никаких сказок, ни стишков из детских книжек — ничего из того, что обычно подбрасывают детям, убеждая их «съесть еще ложечку». Одни лишь истории сегодняшнего утра <...> и бабка сочиняла очередную историю из серии «у нас в Золотоноше»» [1, с. 21, 38]. Вспоминая о своей бабушке Рахиль, ее рассказы, которые отличались от традиционных сказок или стихов, вызывают у автора чувство ностальгии и тоски по детству, также героиня восхищается способностью бабки передавать атмосферу посредством живописного рассказа: «Каким образом, при помощи каких неуловимых ужимок, гримас и жестов, понижения и повышения тембра голоса и полной его перемены она умела передать сутолоку, дребезжание, скрежет и перебранку пассажиров утреннего трамвая <...> оторвать взгляд от движения ее бровей, губ и глаз было невозможно» [1, с. 23, 46]. Бабушка Рахиль была не просто рассказчицей, она была актрисой в каждом своем слове. Ее истории были наполнены живыми образами и эмоциями, они были как маленькие пьесы, в которых каждый персонаж, каждый сюжетный поворот был настолько реалистичен, что слушатели могли представить все это перед своими глазами. Она рассказывала истории, которые черпала из своей жизни и жизни ее родного местечка Золотоноша. Это были истории о людях, которых она знала, о событиях, которые происходили вокруг нее. Даже когда она рассказывала притчи об ангелах, они звучали так, как будто ангелы жили рядом с ней. Она описывала их так же, как она описывала бы своих соседей или друзей, делая их частью своего мира и жизни.

В произведении автор описывает трудную судьбу бабки и сохраняет в памяти ее таланты - пение, актерское мастерство, способность рассказать забавную историю. Она также выражает сожаление о том, как бездумно был утрачен талант бабки: «как умудрились бездумно запороть такой объект?.. Да в ней умерла великая актриса и, может быть, замечательный писатель!» [1, с. 50]. Важно отметить, что первый урок творчества автор получила, лежа на тапчане с бабушкой в обычном ташкентском домике, и наблюдая за горящей свечой, она представляла борьбу стихии со временем и осознала: «мир твори огнем, лепи его из обжигающе горячей плоти - поздно менять, когда застынет» [1, с. 25]. Метафора горящей свечи, которая в конце концов тает, подчеркивает идею о том, что творческий процесс — это моментальное действие, результаты которого могут быть необратимы.

При воспоминаниях о детстве автор уделяет значительное внимание описанию рук своей бабушки, воссоздавая в памяти эпизоды из прошлого: «ее нервные руки (узкая кисть, длинные пальцы, безупречно овальная форма)» [1, с. 19], затем в рассказе упоминается уже «растрескавшиеся руки помню, как самые рабочие из всех, что встречала в жизни. Первое, что я видела и чувствовала, просыпаясь, - эти руки: тяжелые квадратные кисти, грубые пальцы» [1, с. 24]. Удивительно, что автор детально воссоздает в своей памяти моменты, где бабушка занималась различными повседневными делами, такими как укладывание угля голыми руками и мытье гречки, а также и то, что «этими руками каждое утро она бинтовала деду культы ног» [1, с. 26]. В произведении также отражен диалог между автором и героиней, в ходе которого бабушка Рахиль «насмешливо щурясь» сообщает внучке, что у нее «деревянные» руки, и поэтому нет необходимости беспокоиться о них.

Метафорически автор сравнивает руки бабушки с тяжелым, непосильным трудом. В противоположность грубым рукам бабушки в тексте описывается портрет восемнадцатилетней Рахиль: «длинные косы вдоль длинного платья, нога в узкой туфельке с медной пряжкой, узкая кисть, длинные пальцы, безупречно овальная форма ногтей» [1, с. 19]. Автор размышляет о диссонансе между врожденными талантами, которые были даны Рахиль при рождении, и ее непримечательной судьбой домохозяйки. Она задумывается о ее жизни, которую видит, как нереализованную, о неудаче в роли творца и о расточительном использовании ее потенциала, о изменчивости жизни человека, о тех обстоятельствах, которые могут изменить не только его внешний облик, но и внутренний мир, место жительства и образ жизни. В моменты философских размышлений Рубина находит причину таких изменений в бабушке и испытывает чувство горечи по утраченной молодости Рахиль: «Странно, думала я, почему жизнь так изменилась? Куда делись все эти изящные длинные платья, все эти томные позы, романтические венецианские окна, пусть и нарисованные? Где туфельки с медными пряжками? Где, наконец, ее, моей бабки Рахили, холеные ручки? Уж их-то не могла «украсть» никакая революция... Оказывается, могла и украла» [1, с. 38]. Судьбу Рахиль определили революция и война, лишив ее красоты и талантов.

В рассказе прослеживается мотив памяти, которая пронизывает его от начала до конца и служит основой для всех событий. Когда героиня рассказывает о двух мавзолеях, она припоминает отколотую лазурную плитку, окружающую мавзолей, и «лишь осколок последней прикипел к старой глине намертво» [1, с. 32], что позволяет нам сравнить этот осколок с памятью автора, которая прилипает к героине. Героиню Рахиль, в свою очередь, можно соотнести с мавзолеем, который также прошел через многое в своей жизни. Таким образом, воспоминания и прошлое становятся неотъемлемой частью настоящего, подобно осколку, уцепившемуся за старую глину: «А живая жизнь все длится, обнаруживая удивительные переключки нрава и повадок через поколения. Персонажи бабкиных притч все в конце концов оказываются мною, лично мною – к моей досаде или насмешке» [1, с. 51].

Данный мотив в рассказе также выражен через подбор речевых средств. Это словесные ряды, относящиеся к памяти: «вновь и вновь ворошу *память*», «*моя память* так уютно обжила», «навсегда слиты в *памяти*», «произносится в *моей памяти*», «навсегда слиты в *моей памяти*», «но *память* и ясный ум не оставили ее до самого конца».

Слово «память» встречается в данной новелле 6 раз, а глагол «помню» - 13 раз.

Все события и воспоминания, связанные с героиней, происходят в Ташкенте. Несмотря на то, что она была там только на каникулах, и ее бабушка с дедом жили там всего три года, дом с верандой на Кашгарке кажется ей «цитаделью спокойствия и любви в сердцевине беспокойного детства» [1, с. 53].

Таким образом, бабушка Рахиль и ее руки приобретают символическое значение в повествовании, становясь образами, через которые передаются чувства героини по отношению к своей бабушке, также эти образы связаны с чувством ностальгии: внучка вспоминает Рахиль не только как бабушку, но и как символ своего детства, своего прошлого. Даже после ее ухода в вечность, «живая жизнь» бабушки, полная заботы и тепла, останется навсегда в памяти героини, оставив значительный след в ее душе.

Список использованных источников

1. Рубина Д. Окна: роман. – М.: Эксмо, 2012. – 276 с.
2. Бойм, С. Будущее ностальгии / С. Бойм // Неприкосновенный запас. – 2013. – No 3. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/budushhee-nostalgii.html>.

УДК 82.0

ЭВОЛЮЦИЯ КАТЕГОРИИ ХРОНОТОПА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ